

*Мария
Метлицкая*

Несбывшаяся жизнь

Книга 1

Москва

*Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой*

*Мария
Метлицкая*

Несбывшаяся жизнь

Книга 1

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Метлицкая, Мария.

М54 Несбывшаяся жизнь. Книга первая : роман / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-210954-6

Лиза росла без материнской ласки — ее детство прошло под надзором строгой тетки, мам-Нины. Любовь звучала как упрек, ложь окружала со всех сторон, а правда казалась опасной...

Теперь, когда Лиза стала взрослой, судьба дарит ей испытание сложнее любых экзаменов: в ее жизни появляется маленькая девочка, такая же брошенная и пугливая... Но способна ли Лиза дать ей то, чего сама была лишена? Сможет ли при этом обрести собственное женское счастье?

Роман о хрупких нитях родства, о боли и прощении. О любви, которую нельзя планировать, но которую можно выбрать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210954-6

Часть первая
БЕДНАЯ ЛИЗА

1

Правду Лиза узнала в шесть лет — разумеется, от подружки Ритки. И про мам-Нину, и про собственную мать — родную сестру мам-Нины.

— Какая она тебе мама? — фыркнула Ритка. — Тетка она тебе. Материна сестра.

Странно, но созналась мам-Нина сразу. Логика была простой: мол, Лизе скоро в школу, она все равно бы узнала, да и утаивать никто не собирался.

И протянула Лизе метрику.

В графе «отец» было написано: Топольницкий Владимир Иванович.

В графе «мать» — Топольницкая Мария Александровна.

И никакой мам-Нины.

Тетка оказалась опекуном.

Лиза от неожиданности расплакалась и все повторяла:

— Ну почему, почему?..

Тетка и рассказала. Почему, что да как.

Они шли по Кировской записываться в первый класс. Мам-Нина цепко держала Лизину руку. Тут все и выяснилось: родная теткина сестра, Лизина мать, оказалась человеком пропавшим.

Мария Метлицкая

— Почему пропащим? — не поняла Лиза. — Она пропала?

— Да по всем статьям! Мало того что родила тебя от женатого, так еще и воровала вместе с ним. Вот и сели вместе, вдвоем с подельничком. И на что рассчитывала? В советской стране законы работают, — бодро и горделиво продолжала тетка, — и нечего всякому ворью!..

Лиза оторопела. Получалось, что ее мать воровка?.. Да врет тетка, врет! Не может быть такого!

В те минуты Лиза ее ненавидела. Дышать стало тяжело, невозможно.

«И никакая она мне не мам-Нина. Не мам... а тетя-Нина!..»

Лиза выдернула из колючей и жаркой теткиной руки свою вспотевшую ладошку и остановилась.

— Не пойду с тобой! — тонко выкрикнула она. — Не хочу в школу! И жить с тобой больше не буду! Отведи меня в детский дом!

— Отведу, — кивнула тетка, — запросто отведу. Хоть завтра. Думаешь, ты такой подарок? Накорми тебя, одень, обуи!.. А когда болеешь? По сто раз к тебе вскакиваю! А мне с утра на работу.

Тетка нахмурилась и больно дернула Лизу за руку.

— И давай поторапливайся! Ишь, козьявка, характер тут свой показывает! С матерью твоей справились, думаешь, с тобой не справлюсь? Пугать меня вздумала, засранка сопливая!

Лиза тащилась за теткой, а про себя повторяла:

«Все равно убегу. Прямо сегодня и убегу! Потому что ненавижу».

Несбывшаяся жизнь

* * *

Не убежала.

Зашли в школу, и Лиза растерялась — как красиво! Голубые стены, блестящие полы. На стенах плакаты и картины, на подоконниках горшки с цветами. Из буфета вкусно пахнет печеным.

А дома висела на стуле только что купленная, красивая до невозможности школьная форма: коричневое платье с юбкой в мелкую складочку. Покружишься — и юбка разлетается, а на платье белый кружевной воротничок. А к платью два фартука: парадный белый и черный, повседневный, то есть на каждый день. И оба с чудесными крылышками! Как Лиза об этом мечтала! И о школе мечтала: ведь новая взрослая жизнь.

Тетка была занудной и вредной, но Лиза все-таки знала и чувствовала, что та ее любит. Переживает, когда Лиза болеет. А болеет она часто — сплошные ангины и бронхиты. По словам тетки, вообще ничего не пропускает, цепляет все гадости, что есть на белом свете — ветрянки, кори, краснухи...

И тогда тетка бегает вокруг с перепуганными глазами и все спрашивает:

— Хочешь конфеток или печенья? А может, пирожных? Сейчас сбегаю в кулинарию, эклерчиков куплю... Или картошки?.. А лимонад? Хочешь, за «Буратино» сбегаю?

В обычные дни ничего такого от нее не допросишься, зато в болезнь все Лизины капризы выполнялись. Но ничего такого Лиза не требовала: лежала себе и болела. И есть не хотела, даже самое вкусное.

Мария Метлицкая

Тетка вскакивала по ночам, трогала Лизин лоб, укрывала одеялом и гладила по голове.

Смотрела перепуганными глазами:

— Как ты, ласточка моя?

И опять трогала лоб и мерила температуру.

Она и хорошая, и плохая — ее мам-Нина.

Плохая, когда кричит. Но еще хуже, когда воспитывает. Скрипит как несмазанная дверь, монотонно выговаривая и поучая. Бубнит час или два и повторяет, мол, у тебя, Лиза, гены плохие. От теткиного бубнежа Лизу начинало тошнить. Лиза бледнела, прикрывала глаза, и только тогда тетка испуганно замолкала.

— Водички, Лизонька? Или чаю? Свежего заварю, крепкого! С лимончиком, а? Иди в постельку, родная моя, иди полежи!

Подлизывалась.

И на день рождения тетка дарила все, о чем Лиза мечтала, не скупилась. Раз в году можно быть доброй. А так-то мам-Нина была жадюгой: часами стояла в очереди за дешевым, а потом два часа хвасталась, что полтора часа отстояла, зато кабачки по семь копеек взяла. А рядом, мол, по двенадцать и без очереди.

— Ничего, постою, не принцесса. У нас с тобой каждая копейка, Лизонька, на счету! Мы с тобой, Лизонька, сиротки: ты да я.

Готовить мам-Нина не умела, все было невкусно. Лиза морщилась, но ела, не хотела ее обижать.

И еще мам-Нина была некрасивой. Такой некрасивой, что даже Лизе ее было жалко. Не повезло тетке: высокой, жилистой, худой, с длинными руками-лопатами, огромными мужскими ступнями... Но главное — совсем лошадиным лицом.

Несбывшаяся жизнь

— Тетка твоя на лошадь похожа! — говорила подруга Ритка.

Обидно, но это была чистая правда. Лицо у мам-Нины длинное, узкое, а глазки маленькие, к носу близкие. Да и нос не удался — широкий и длинный, как у утки (по словам той же Ритки). Еще и зубы металлические: два сверху и три снизу, бр-р-р.

Риткина мать, соседка Полечка, была кулинаркой. Лиза обожала еду, приготовленную Полечкой.

Полечка учила соседку, а та никак.

— Какая же ты, Нинка, неспособная! Ну что здесь сложного? — вздыхала Полечка. — Ох, ну и руки у тебя, Нинка, ну и крюки! Только и годятся, чтобы тряпкой махать!

Полечка — полная противоположность мам-Нине: красивая, миниатюрная, с тонкой талией и широкими бедрами, с полными ножками и высокой красивой грудью. Лицо у Полечки нежное, милое, а кожа белая, с редкими веснушками, и носик курносый зазорный, и большие голубые глаза. Полечка всегда в настроении, всегда всем довольна, всегда улыбается. Хотя жизнь и у нее не сахар — Полечка тоже одна. И Ритку воспитывала одна, без мужа, и работала много, а все равно была веселой. Не то что вечно хмурая мам-Нина.

* * *

Квартира у них была коммунальная — хорошая, в самом центре, на Кировской. Хорошая, но немного странная: говорили, что до революции в ней жили две сестры. Жили-жили, а потом разругались и квартиру разделили — две комнаты старшей, полторы

Мария Метлицкая

младшей. Эти-то полторы и достались мам-Нине с Лизой.

Большая комната — квадратная, с тремя высокими окнами. Из нее выходила арка, углубление, образуя те самые вторые полкомнаты. «Будуар», как называла его Полечка. В будуар помещалась Лизина кровать, узкий одностворчатый шкаф для одежды, три подвесные книжные полки, сделанные плотником из ЖЭКа, и стул. Зато был широкий, в полметра, подоконник, служивший Лизе письменным столом, — на котором помещались тетради с книгами и горшок с розовой геранью.

Тетка жила в первой комнате, которую называли гостиной. Там были кровать, большой круглый стол, четыре старых венских стула и трехстворчатый шифоньер — со скромными нарядами, одеялами, коробками с бумагами и даже старой швейной машинкой, доставшейся мам-Нине по наследству. На окнах висели бледно-зеленые бархатные шторы, обвисшие и вытертые, тоже доставшиеся по наследству, и менять их тетка не хотела.

Только люстра была красивой: старинной, бронзовой, с завитушками и ангелочками.

На подоконниках мам-Нина разводила цветы, но и это у нее не получалось. Самые неприхотливые — герань, щучий хвост, бегония — вечно болели и увядали. Тетка расстраивалась, искренне не понимая, почему у соседки все цветет пышным цветом, а у нее все никак...

— Ох, Нинка, — снова вздыхала Полечка, — ну какая же ты *неталантливая!*

Маленькая прихожая переходила в длинный (и бестолковый, по словам Полечки) коридор,

Несбывшаяся жизнь

который упирался в совсем небольшую и темную кухню.

Так себе была эта маленькая кургузая кухонька.

Небольшой Полечкин буфет, две тумбы с крупами и кастрюлями, подвесной кухонный шкафчик мам-Нины. Раковина, газовая плита и общий, на две семьи, небольшой обеденный стол – присесть и наспех перекусить, потому что обедали и ужинали в комнатах.

Дверь из кухни вела в две смежные, но просторные комнаты окнами на Кировскую – к Полечке и Ритке.

У соседок было уютно. Пестрые легкие шторы, полированная польская мебель, кресла на тонких ножках, изящный журнальный столик, горка с посудой, трюмо. И люстра была современной – легкой, красивой, блестяще-золотистой, с разноцветными плетеными колпачками. А еще Полечка обожала красивые вещи и *умела* их доставать: хрустальные ладьи, фарфоровые фигурки, настенные тарелки и даже всякие картины с пейзажами-натюрмортами.

Красиво было у Полечки, модно. Не то что сплошное старье у мам-Нины с Лизой.

Но не светлым и нарядным комнатам завидовала Лиза.

Лиза завидовала Ритке, что у нее такая мама – легкая, веселая, умелая Полечка, которой все нипочем. И дома у них красота, и готовит Полечка замечательно, и печет – пальчики оближешь, и одевается красиво, да и Ритка вон куколкой ходит. И ласковая... Целует дочку, обнимает, а та, дурочка, вырывается... «Мам, хватит! Мам, отстань!..»

Лиза бы не вырывалась. От Полечки бы точно не вырывалась. А от мам-Нины...

Мария Метлицкая

Куда там: мам-Нина никого не обнимала и не целовала. Да она и не душистая, красивая, нарядная По-лечка, пахнущая духами и сладкими булочками...

Зато Лизе очень нравился свой альков. Ляг на подоконник — и видна улица, любимая Кировская. Справа магазин «Чай-кофе» — китайский домик-пагода, второго такого во всей Москве было не сыскать. А как там пахло!.. Лиза заскакивала на минутку и закрывала глаза, дыша сладко-горьким, божественным ароматом.

А вот в рыбном, на углу улицы, пахло не очень. Зато там продавалась черная икра. Икра возлежала в эмалированных белых лотках — совсем черная, матовая, как свежий асфальт, или светло-серая, блестящая, как крохотные драгоценные камешки, — дорогущая...

В переулке был маленький, словно игрушечный, домик — магазин «Молочный», а у метро — Главпочтамт, пропитанный запахом расплавленного сургуча.

Кировскую девочки знали как собственную квартиру. Дом со львом и щитом, а по бокам — «Инструменты», «Спорттовары», магазин «Охотник» и столовая, из которой всегда доносился запах тушеной капусты. Проходя мимо столовки, Лиза и Ритка корчили рожицы, зажимали носы и с криком «фуууу» припускались бежать.

А дальше был «Дом фарфора», который они обо-жали. Как же там было красиво! Огромные вазы, хрустальные люстры. И всегда куча народу, всегда большие очереди.

Впрочем, очереди ведь повсюду были: за колбасой и сыром, за шоколадным маслом и мороженой рыбой.

Несбывшаяся жизнь

А однажды в «Детском мире» мам-Нина три часа отстояла за простыми сандалиями для Лизы — потому что наступало лето, а старые, прошлогодние, износились. Мам-Нина еле доковыляла до дома и рухнула на пороге с давлением. Даже скорую вызывали.

Она неплохая, ее мам-Нина. Только занудная, вредная и неласковая — ни за что не пожалеет.

Не то что соседка Полечка: Ритка пальчик уколет, а Полечка целует его, и Ритку целует — не плачь, моя маленькая! А мам-Нина только ворчала да бурчала: прочитай, сделай, вымой, выучи и снова прочитай...

И бурчала, и бурчала. А еще тетради с дневником без конца проверяла. Бурчала — проверяла, проверяла — бурчала, и так по кругу.

И чем была недовольна? Училась-то Лиза прекрасно.

Было обидно. Но Полечка объяснила Лизе, что тетка отвечает за Лизу, потому и волнуется.

— Перед кем отвечает? — уточнила Лиза.

— Перед собой, — не растерялась Полечка. — Ну и перед тобой!

Она-то на Ритку не ругалась, хоть та училась плохо. Так, слово скажет, и все.

* * *

Мам-Нина работала на двух работах — для того, чтобы *выжить*.

Первая и главная работа была «на гардеробе». Гардероб был непростой, в *ведомственной* поликлинике, и мам-Нина этим гордилась.

Вторая работа — там же, в поликлинике. Когда поликлиника закрывалась, мам-Нина мыла полы. А ко-

Мария Метлицкая

ридоры были длинные, широкие, и туалеты большие, и холлы огромные! Вот мам-Нина и уставала. Ни рук, ни ног не чуяла, приходила как побитая.

— А ты потаскай тяжелые пальто! Есть килограммов по шесть, а то и по восемь! Драп, ватиновая подкладка, — перечисляла мам-Нина, — а если воротник? Еще килограмм! А шуба? Ты подними ее, шубу! Возьми, перекинь через борт, опять подними, повесь, потом сними, потом подай! Да с улыбочкой еще, да с поклоном...

Руки у мам-Нины — красные и распухшие, как клешни у рака.

Полечка работала провизором в аптеке, поэтому у нее водились знакомства и блаты. С Полечкой все хотели подружиться: хорошие лекарства достать сложно.

Знакомства у Поли были везде — и в рыбном, и в домике-пагоде «Чай-кофе», и в Сороковом гастрономе, и в «Детском мире».

Поэтому Ритка и одета была как куколка — во-первых, блат, а во-вторых, Полечка и сама рукастая, не то что мам-Нина.

Полечка и шила, и вязала. А по субботам пекла: пирожки, пироги, тортики — запах стоял такой, что одуреть можно. Принесет Полечка тарелку с пирожками, а через полчаса их уже нет — Лиза сметает.

— Ешь-ешь, — говорила мам-Нина. — Я не хочу.

И еще Полечка запасы на зиму делала, *закрутки* — помидоры, огурцы, разноцветные перцы. Красота, глаз не оторвать. И вкуснота. Лиза с Риткой зимой по-тихому баночку стыряют и съедят. Полечка потом заметит и посмеется. Добрая была, не то что мам-Нина.